

УДК 821.161.1-3 Карнышев.09

<https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-4-31-39>

Оригинальная научная статья

Концепты «родной дом» и «род» как ценностные доминанты в прозе К. Г. Карнышева

T. V. Шагдарова

Политехнический институт (филиал), Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова в г. Мирном, г. Мирный, Российская Федерация
tuyuanash.21@mail.ru

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к художественной концептосфере региональных литератур России как отражению национальной ментальности и культурных кодов. Творчество бурятского писателя Константина Григорьевича Карнышева, развивавшего традиции «деревенской прозы», остается недостаточно изученным в данном аспекте. Проблема заключается в необходимости выявления ключевых ценностных доминант, структурирующих его художественный мир. Цель статьи – проанализировать специфику воплощения концептов «родной дом» и «род» как центральных ценностных доминант в прозе К. Г. Карнышева. Для ее достижения решались следующие задачи: определить место данных концептов в системе базового концепта «семья», раскрыть их пространственную («дом») и временную («род») семантику, а также проследить их эволюцию в произведениях разных лет. В основу исследования положены методы культурно-концептологического, проблемно-тематического и историко-литературного анализа. Материалом послужили повести «Сугробы», «На Бакланьем», «Кедроля» и цикл рассказов «Отчее заселье». В результате установлено, что концепт «родной дом» не сводится к значению физического жилища, расширяясь до символа защиты и духовной связи с малой родиной и природой, а концепт «род» представляет временную ось семейных отношений, актуализируя проблему исторической памяти и преемственности поколений. Показано, что в позднем творчестве писателя оба концепта маркируют утрату традиционных духовных связей, отражая общие для русской «деревенской прозы» трагические тенденции ХХ в. Пространственная («дом») и временная («род») семантические линии в их единстве и противоречии раскрывают эволюцию и своеобразие художественного осмысления семьи у К. Г. Карнышева. В заключении делается вывод, что концепты «родной дом» и «род» образуют пространственно-временной каркас ценностной системы писателя, а их трансформация от ранних к поздним произведениям демонстрирует ключевой конфликт между традиционными духовными ценностями и разрушительными тенденциями современности. Перспективы исследования видятся в дальнейшем изучении всей концептосферы К. Г. Карнышева в сопоставлении с другими представителями «деревенской прозы».

Ключевые слова: художественный концепт, К. Г. Карнышев, русская литература, национальная ментальность, деревенская проза, концепт «семья», концепт «дом», концепт «род», родовая память, ценностные доминанты

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Шагдарова Т. В. Концепты «родной дом» и «род» как ценностные доминанты в прозе К. Г. Карнышева. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2025, № 4 (20). С. 31–39. <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-4-31-39>

Original article

The concepts of "native home" and "family" as value dominants in Konstantin Karnyshev's prose

Tuyana V. Shagdarova

Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Mirny, Russian Federation
tuyanash.21@mail.ru

Abstract

The relevance of the research is due to the growing interest in the artistic conceptual sphere of regional literatures of Russia as a reflection of ethnic mentality and cultural codes. The work of the Buryat writer Konstantin Karnyshev, who developed the traditions of "rustic prose", remains insufficiently studied in this aspect. The problem lies in the need to identify the key value dominants that structure his artistic world. The purpose of the article is to analyze the specifics of the implementation of the concepts "native home" and "family" as central value dominants in Karnyshev's prose. To achieve this goal, the following tasks were solved: to determine the place of these concepts in the system of the basic concept "family", to reveal their spatial ("house") and temporal ("genus") semantics, as well as to trace their evolution in the works of different years. The research is based on the methods of cultural-conceptual, problem-thematic and historical-literary analysis. The material consisted of the novels "Snowdrifts", "On the Cormorant", "Kedrol" and the cycle of short stories "Father's Settlement". As a result, it was established that the concept of "native home" is not limited to the meaning of a physical dwelling, expanding to a symbol of protection and spiritual connection with a small homeland and nature, and the concept of "family" represents the temporal axis of family relations, actualizing the problem of historical memory and the continuity of generations. It is shown that in the writer's late work, both concepts mark the loss of traditional spiritual ties, reflecting the tragic tendencies common to Russian "rustic prose" of the 20th century. Spatial ("house") and temporal ("genus") semantic lines in their unity and contradiction reveal the evolution and originality of Karnyshev's artistic understanding of the family. It is concluded that the concepts of "native home" and "family" form the spatial and temporal framework of the writer's value system, and their transformation from early to late works demonstrates the key conflict between traditional spiritual values and the destructive trends of modernity. The prospects of the research are seen in the further study of the entire conceptual sphere of Karnyshev in comparison with other representatives of "rustic prose".

Keywords: artistic concept, Konstantin Karnyshev, Russian literature, ethnic mentality, rural prose, concept "family", concept "home", concept "clan", ancestral memory, value dominants

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Shagdarova T. V. The concepts of "native home" and "family" as value dominants in Konstantin Karnyshev's prose. *Issues of national literature*. 2025, No. 4 (20). Pp. 31–39.
<https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-4-31-39>

Введение

Актуальность исследования художественных концептов в национальных литературах России обусловлена возросшим интересом филологии к проблемам ментальности, национальной идентичности и культурных кодов, препрезентированных в словесном творчестве. В рамках современной научной

парадигмы, тяготеющей к междисциплинарности, концепт понимается как многокомпонентная ментальная сущность, аккумулирующая культурный опыт этноса и индивидуальное мировидение художника [1]. Особый интерес в этом контексте представляет творчество писателей российских регионов, таких как Бурятия, где общенациональные концепты приобретают специфическое звучание, обогащенное местным колоритом и социально-историческим контекстом. Одним из таких авторов является К. Г. Карнышев, чье наследие, находящееся на пересечении традиций русской «деревенской прозы» и бурятской литературной традиции, до сих пор остается недостаточно изученным [2].

К. Г. Карнышев, яркий представитель литературы Бурятии, чье творчество развивалось в русле традиций «деревенской прозы». Центральное место в его художественном мире занимает концепт «семья», являющийся структурной единицей национального сознания и отражающий систему культурных и нравственных ценностей [3]. К числу центральных вторичных концептов, ценностных доминант прозы К. Г. Карнышева, относятся «родной дом» и «род» («родова»). Их анализ позволяет не только раскрыть специфику авторской картины мира, но и проследить трансформацию традиционных устоев в условиях социальных изменений XX в.

Проблема исследования заключается в необходимости системного анализа ключевых ценностных доминант художественного мира К. Г. Карнышева, сквозь призму которых раскрывается его уникальная авторская концепция семьи, человека и его связи с миром [4]. Несмотря на наличие работ (А. К. Паликовой, А. Б. Соктоева и др.), освещавших отдельные аспекты его творчества, комплексное исследование концептосферы писателя, в частности, роли концептов «родной дом» и «род» как структурных элементов данной системы, не предпринималось.

Цель данной статьи – проанализировать специфику воплощения концептов «родной дом» и «род» как центральных ценностных доминант в прозе К. Г. Карнышева.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1. Определить место и функцию данных концептов в структуре базового для писателя концепта «семья»; 2. Проанализировать пространственную семантику концепта «родной дом» («дом») и его связь с образами малой родины и природы; 3. Раскрыть временную семантику концепта «род» («родова»), актуализирующего проблемы памяти и преемственности поколений; 4. Проследить эволюцию и диалектику данных концептов в произведениях разных лет, отражающую кризис традиционного уклада.

Теоретико-методологической основой исследования послужили труды отечественных ученых, разрабатывающих теорию концепта в литературоведении и лингвокультурологии.

В работе применяется культурно-концептуологический подход, опирающийся на идеи Ю. С. Степанова о концепте как «сгустке культуры» [5] и В. Г. Зусмана, рассматривающего литературный концепт как агента культуры в тексте [1]. Для структурного анализа концептов используется модель В. В. Башкеевой, разделяющей их на первичные и вторичные [6]. Проблемно-тематический и историко-литературный методы позволяют рассмотреть творчество К. Г. Карнышева в контексте традиций «деревенской прозы» (В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин) и выявить его индивидуально-авторское своеобразие [7, 8, 9].

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые проводится целостный анализ концептов «родной дом» и «род» в их взаимосвязи как основы ценностной системы К. Г. Карнышева. В научный оборот вводится материал его поздних произведений («Кедроля», цикл «Отчее заселье») [10], который ранее не становился объектом детального концептуального анализа.

Позиция автора статьи состоит в том, что концепты «родной дом» и «род» являются не просто темами, но структурными центрами, организующими

художественный мир К. Г. Карнышева. Они находятся в отношениях диалектического единства (пространство-время) и конфликта (идеал-реальность), а их трансформация от ранних к поздним произведениям маркирует ключевой для писателя трагический конфликт между вечными духовными ценностями патриархального мира и разрушительными тенденциями современности.

Концепт «родной дом»: пространство защиты и духовного единства

В художественной системе К. Г. Карнышева концепт «родной дом» выполняет фундаментальную роль пространственного и аксиологического центра. Согласно классификации В. В. Башкеевой, он является центральным вторичным концептом по отношению к первичному концепту «семья», выполняя функцию конкретизации и семантического обогащения последнего [6, с. 5]. Многоуровневый анализ данного концепта в повестях «Сугробы» и «На Бакланьем» позволяет выявить его сложную архитектонику, выходящую далеко за рамки номинации физического жилища.

1.1. Дом как материально-вещное воплощение семейного космоса. На первом, предметном уровне, дом у Карнышева – это тщательно выписанное, овеществленное пространство, каждый элемент которого хранит энергию семейного бытия. Писатель подробно описывает обстановку избы: «кровати, столы, скамейки были в нем своедельными», «посередине ее стояла русская печь» [10, с. 407]. Особое значение приобретает русская печь, которая функционирует не просто как деталь интерьера, а как сакральный центр домашнего универсума, источник тепла, жизни и уюта: «Бывало намерзнешься... сбрасываешь одежонку и забираешься на печь» [11, с. 144]. Этот образ наследует и развивает традицию «деревенской прозы», где печь являлась символическим средоточием семейного космоса. Описания подготовки дома к празднику, когда избы «начинала обмываться» и «слезились черными протечинами» [11, с. 194], подчеркивают сакральное отношение к жилищу как к одушевленному существу.

1.2. Защитная функция дома. Важнейшей характеристикой концепта является его оборонительная семантика. Дом у К. Г. Карнышева последовательно противопоставляется враждебному, «чужому» пространству, становясь духовным и физическим убежищем. Герои находят спасение за его стенами: «Уже бежишь от ворот до крыльца, не оглядываясь. Успокаиваешься, когда дверь избяная плотно затворяется за тобой» [11, с. 96]. Четкой границей между «своим» и «чужим» миром выступает ограда, которая «связывала все постройки в один узел» [10, с. 405]. Эта деталь метафорически передает идею семейного единства, скрепленного общим пространством. В повести «На Бакланьем» временное жилище – зимовье – с его «обмерзшими окошками» и холodom, идущим от стен [11, с. 368], служит антитезой родному дому, лишь усиливая его ценность как места тепла и безопасности.

1.3. Семантическое расширение: от дома к малой родине. Пространство родного дома у К. Г. Карнышева обладает свойством семантического расширения. Оно закономерно вырастает до масштабов всей малой родины – родной деревни, природы, окружающих полей и лесов. Герой повести «Сугробы» тоскует не просто по стенам, а по «своей речке, улице, лесу» [11, с. 138]. В «Отчем заселье» эта мысль получает лаконичное и емкое выражение: «Весь твой мир, вся твоя земля – родная деревня» [10, с. 423]. Таким образом, концепт «дом» аккумулирует значения физического крова, духовного пристанища, единения с природой и родной землей. Эта целостная система противопоставляется безликому, тесному и отчужденному городскому пространству, которое в повести «Кедроля» характеризуется как «каменная тюрьма», где «тремся, тремся... Толпы, толпы... Скоро воздуху на всех не будет хватать» [10, с. 28]. Это противопоставление подчеркивает кризис городского быта, не способного дать человеку того душевного богатства, которое еще сохраняется в деревне.

Исходя из вышесказанного, концепт «дом» в прозе К. Г. Карнышева представляет собой структурно сложное, многоуровневое образование. Он функционирует как: 1) материальный объект – детально прописанное жилище с сакральным центром-печью; 2) защитный комплекс – пространство физической и духовной безопасности, ограниченное от внешних угроз; 3) символическое пространство – символ, тождественный малой родине и природе в их целостности. Данный концепт служит ключевым маркером традиционного патриархального уклада и основным объектом экзистенциальной тоски в условиях его разрушения.

Концепт «род» («родова») как временная ось и утрачиваемая связь

Если «дом» представляет собой пространственную семантическую линию концепта «семья», то «род» («родова») воплощает его временное измерение, выступая второй ценностной доминантой. Данный концепт охватывает вертикальные (межпоколенные) и горизонтальные (внутри одного поколения) связи, объединяя прошлое, настоящее и будущее в единую родовую память.

К. Г. Карнышев сознательно использует двойную номинацию для усиления смысловой насыщенности концепта. Общелитературная лексема «род» («Ужался наш род еще на одного человека» [11, с. 198]) применяется наряду с региональным, диалектным синонимом «родова». Это не просто стилистический прием, а способ подчеркнуть глубокую этнокультурную укорененность изображаемого мира, его связь с конкретной локальной традицией семейских Забайкалья. Использование слова «родова» (наряду с «родня», «родичи») служит маркером аутентичности и создает особый лингвокультурный колорит.

Центральной фигурой, персонифицирующей концепт «род», выступает образ бабушки. В произведении «Богова душа» бабушка Анна Романовна «упоминает всех усопших большой своей «родовы»» [10, с. 368]. Ее ежедневное молитвенное поминование – это не религиозный ритуал в узком смысле, а акт духовного поддержания целостности рода, живая связь с предками. Она выступает медиатором между прошлым и настоящим, гарантом непрерывности временного потока. В цикле «Отчее заселье» подчеркивается «беспребельно просторная» душа бабушки, вмещавшая «свыше ста имен» [10, с. 442], что символизирует всеобъемлющий, соборный характер родовой памяти.

В позднем творчестве писателя (цикл «Отчее заселье», 2002 г.) [10] все острее звучит мотив распада и кризиса родовых связей. Автор с горечью констатирует: «Замыкается родовая память. Короче и короче делается она. И оттого мелеет душа. Зауживается родственный круг» [10, с. 413]. Герои поздних произведений зачастую демонстрируют равнодущие к своим корням, что проявляется, например, в спокойной реакции дочери на смерть дедушки в повести «Тонкий стебелек», ее больше волнует прогулка: «О нем-то я все равно наревусь, когда приеду туда. А сейчас мне неохота» [12, с. 241]. Это свидетельствует о разрыве живой эмоциональной связи между поколениями. Показательно, что молодой герой рассказа «Жалованная грамота» вынужден не перениматать память из уст старших, а «пощупать корни свои» в архивных документах, словно услышав «звон из самого дальнего загробья» [10, с. 340]. Этот образ знаменует трагический переход от живой, пересказываемой традиции к ее отчужденному, архивному существованию. Противопоставление соборного единства прошлого, выраженного формулой «вся деревня – вся родня» и современной разобщенности становится одним из центральных трагических конфликтов в поздней прозе К. Г. Карнышева.

Таким образом, концепт «род» («родова») функционирует как временная ось художественного мира писателя, обеспечивая преемственность поколений через фигуру хранительницы-бабушки. Его ключевыми характеристиками являются:

1) этнокультурная маркированность, подчеркнутая использованием диалектной лексики; 2) функция духовного скрепления, персонифицированная в образе старшего поколения; 3) доминантная тенденция к распаду, выражаясь в равнодушии младшего поколения к предкам и переходе от живой родовой памяти к ее опосредованной, архивной форме, что символизирует глубокий кризис традиционного сознания.

Диалектическое единство и конфликт «дома» и «рода» в повести «Кедроля»

Повесть «Кедроля» представляет собой своеобразный синтез и смысловую кульминацию в развитии концептов «дом» и «род». Именно здесь их диалектическая взаимосвязь и глубинный конфликт проявляются с максимальной художественной силой и трагизмом.

Главный герой, Кедроля, возвращается в заброшенную деревню Колонки и совершает символический акт – восстанавливает свою «родовую избу», «всеми заброшенную» [10, с. 37]. Этот поступок – не просто бытовое обустройство, а символическое действие, попытка восстановить порванную связь времен, вернуться к истокам, физически воссоздать утраченное пространственно-временное единство. Его дом становится не просто жилищем, а материальным воплощением памяти о предках, единственным напоминанием о них в месте, где даже «родительских могил на кладбище он не смог отыскать» [10, с. 65]. Таким образом, Кедроля в одиночку принимает на себя миссию всего рода, персонифицируя его в пространстве своего жилища. Для Кедроли, прошедшего тюрьмы и лагеря, нравственные устои, усвоенные в родной семье, остаются незыблемыми: «Хотя и пытались отучить его в тюрьмах и лагерях от всего деревенского – не смогли, в кровь и в пот это вошло в него сизмальства. А что замешано там, на тех дрожжах, то прорастает навечно. Ничем не выскребешь это» [10, с. 73].

Ярким проявлением единства концептов является гостеприимство Кедроли. Его дом, в отличие от других разрушенных домов, всегда открыт для путника: «А если замок будет висеть на двери, что делать тогда ночевщику? Не могу я на такое пойти, духу не хватит» [10, с. 64]. Этот поступок – прямое следствие родовых, соборных установок, символ традиций гостеприимства и человеческой солидарности. В этом проявляется неразрывная связь: отстроенный дом становится практической реализацией нравственного закона рода.

В то же время, этот позитивный импульс сталкивается с непреодолимым трагическим конфликтом. Образ ухоженного дома Кедроли на фоне всеобщего запустения и разрушения («Чьи-то беспощадные руки своротили печи. Ни одной не оставили целой» [10, с. 17]) создает мощную метафору конечного одиночества. «Дом» как пространство герой возродить в состоянии, но «род» как живая, развивающаяся во времени общность – прерван. Кедроля – последний. Его дом превращается в «памятник-одиночку», в мемориал ушедшей цивилизации. Его открытая дверь – это уже не столько знак здорового гостеприимства большого рода, сколько жест отчаянного сопротивления небытию, попытка компенсировать угасание рода расширением семейного пространства до масштабов всего человечества, готовностью принять любого странника как заместителя утраченной родни.

На основании проведенного анализа, можно подытожить, что в повести «Кедроля» концепты «дом» и «род» образуют сложную систему взаимосвязей, где восстановление физического пространства жилища выступает как попытка материализации родовой памяти и актуализации традиционной этики гостеприимства. Однако писатель убедительно показывает, что возрождение материальной составляющей традиционного уклада не означает восстановления его духовной основы. Возникает глубокое противоречие между возможностью реконструкции

дома как пространственного объекта и невозможностью восстановления рода как временной связи поколений. Финал произведения обнажает эту трагическую дилемму: формальное сохранение дома при фактическом прекращении рода становится метафорой исторической трансформации традиционного уклада, представленной через индивидуальную драму героя.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что концепты «дом» и «род» являются системообразующими ценностными доминантами в художественном мире К. Г. Карнышева, выполняя роль каркаса, на котором держится вся его картина мира. Они выступают центральными вторичными концептами, которые не просто дополняют, но и существенно обогащают и конкретизируют содержание первичного концепта «семья», переводя его из плоскости межличностных отношений в масштабные культурно-философские категории.

Концепт «дом», являясь пространственной осью, эволюционирует от изображения конкретного жилища-убежища до символа защищенности, малой родины и духовного убежища, противостоящего хаосу и бездушному городскому пространству. Дом предстает как последний оплот традиционного уклада, а его разрушение или запустение символизирует кризис всего патриархального мира.

Концепт «род», как временная ось, аккумулирует в себе проблемы исторической памяти, преемственности поколений и трагического распада традиционных связей в современную эпоху. Установлено, что использование региональной лексики (родова) служит не только стилистическим приемом, но и важным маркером этнокультурной идентичности. При этом доминантной тенденцией в развитии данного концепта является нарастание трагического конфликта между живой традицией и ее современным архивным, отчужденным существованием.

Диалектическое единство данных концептов, проявляющееся в идеале неразрывной связи человека с его родовым пространством и прошлым, вступает в непримиримый конфликт с социальной реальностью, которую писатель наблюдает. Эволюция данных концептов от ранних, пронизанных духом патриархальной целостности произведений («Сугробы», «На Бакланьем») к поздним («Кедроля», «Отче заселье»), где на первый план выходит мотив утраты и разрушения, маркирует ключевой для Карнышева трагический конфликт. Конфликт – между вечными духовными ценностями, укорененными в традиционном укладе, и разрушительными тенденциями современности, ведущими к атомизации личности и забвению родовой памяти.

Таким образом, через призму «дома» и «рода» К. Г. Карнышев исследует фундаментальные вопросы человеческого существования: связь личности с прошлым, утрату и обретение духовных ориентиров, ответственность человека перед памятью предков. Несмотря на региональный колорит, поднятые писателем проблемы имеют общечеловеческое звучание, что делает его наследие важным и актуальным не только для бурятской, но и для общероссийской литературной традиции.

Научная новизна исследования заключается в системном раскрытии механизмов взаимодействия ключевых концептов карнышевской прозы. Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при дальнейшем изучении как творчества самого Карнышева в контексте литературы Бурятии, так и в сравнительном анализе с другими представителями «деревенской прозы». Перспективы исследования видятся в детальном анализе других концептов его художественного мира (память, труд, мать) и их сопоставлении с концептосферами В. Распутина, В. Астафьева, В. Белова и др.

Л и т е р а т у р а

1. Зусман В. Концепт в системе гуманитарного знания. *Вопросы литературы*. 2003; 2:3-21.
2. Паликова А.К. Константин Карнышев. Писатели Бурятии XX-XXI веков: Экспериментальное пособие. Улан-Удэ: изд-во Бэлиг, 2008:224.
3. Паликова А.К. *Живи, наша память, живи*. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2012:216.
4. Шагдарова Т.В. Концепт семья как ключевой концепт художественного мира К.Г. Карнышева / Т.В. Шагдарова, О.П. Хромых // *Вопросы национальных литератур*. 2023;4(12):42-51. DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-42-51. – EDN QASBAN.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: изд. 3 - е, испр. и доп. М.: Академический Проект; 2004:992.
6. *Концепты в литературе Бурятии транзитивного периода*: кол. монография / отв. ред. В.В. Башкеева, С. С. Имихелова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. Госуниверситета; 2011;4:144.
7. Астафьев В. Последний поклон: Повесть. М.: Дет. лит., 1983:286.
8. Белов В.И. *Рассказы и повести*. М.: Современник, 1987:438.
9. Распутин В. *Повести*. М.: Просвещение; 1990:334.
10. Карнышев К.Г. Чудодей: Повести и рассказы. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография»; 2002:464.
11. Карнышев К.Г. Люди и звери: Повести. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во; 1991:416.
12. Карнышев К. Г. Сокровенные желания: Повести. Рассказы. Улан Удэ: Бурят. кн. изд-во; 1986:412.

R e f e r e n c e s

1. Zusman V. Concept in the system of humanitarian knowledge. *Questions of literature*. 2003;2:3-21 (in Russian).
2. Palikova A.K. Konstantin Karnyshev. In: *Writers of Buryatia of the XX-XXI centuries: An experimental manual*. Ulan-Ude: Belig Publishing House, 2008:224 (in Russian).
3. Palikova A.K. Live, our memory, live. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House; 2012:216 (in Russian).
4. Shagdarova T.V., Khromykh O.P. The concept of family as a key concept of the artistic world of K.G. Karnyshev. *Issues of national literatures*. 2023;4(12):42–51 (in Russian). DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-42-51.
5. Stepanov Yu.S. *Constants: Dictionary of Russian culture*. Moscow: Academic Project; 2004:992 (in Russian).
6. Bashkeev V.V., Imikhelova S.S. (eds.) *Concepts in the literature of Buryatia of the transitive period*: a collective monograph. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House; 2011;4:144 (in Russian).
7. Astafyev V. *The last bow: A story*. Moscow: Children's Literature; 1983:286 (in Russian).
8. Belov V.I. *Stories and novellas*. Moscow: Sovremennik; 1987:438 (in Russian).
9. Rasputin V. *Novellas*. Moscow: Prosveshchenie Publ.;1990:334 (in Russian).
10. Karnyshev K.G. *Chudodey: Novels and short stories*. Ulan-Ude: Republic's Printing House; 2002:464 (in Russian).
11. Karnyshev K.G. *People and animals: Stories*. Ulan-Ude: Buryat Publishing house; 1991:416 (in Russian).
12. Karnyshev K.G. *Secret desires: Stories. Short stories*. Ulan-Ude: Buryat Publishing house; 1986:412 (in Russian).

Сведения об авторе

ШАГДАРОВА Туяна Владимировна – ст. преп. кафедры английской филологии и социогуманитарных дисциплин Политехнического института (филиала), ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Мирном, г. Мирный, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-1739-2173>, SPIN-код: 1649-3990, AuthorID: 1070952, e-mail: tuyanash.21@mail.ru

About the author

Tuyana V. SHAGDAROVA – Senior Lecturer, Department of English Philology and Socio-humanitarian Disciplines, Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Mirny, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-1739-2173>, SPIN-код: 1649-3990, AuthorID: 1070952, e-mail: tuyanash.21@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 03.11.25

Поступила после рецензирования / Revised 24.11.25

Принята к публикации / Accepted 22.12.25